

КОНТРКУЛЬТУРА КАК ИДЕОЛОГИЯ

А. С. Мясникова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Автор рассматривает социокультурный феномен, характерный для США 60-х годов XX века, в качестве идеологии. Под последней понимается символический универсум, в рамках которого осуществляется дискредитация наличествующих социальных институтов и попытка легитимации новых. Контркультура в этом качестве становится «активным текстом», который «продавливает» реальность, заменяя ее альтернативной. В связи с таким пониманием феномена особое значение получает изучение семантических сдвигов, индуцированных контркультурой в языке.

Контркультура [8] в соответствии с определением, данным отечественными исследователями Ю. Н. Давыдовым и И. Б. Роднянской, — «специфическая богемно-антибуржуазная атмосфера, окружавшая молодежное движение... 60-х» [2, 89]. Другими словами, говоря о контркультуре, мы имеем в виду конфликт двух символических универсумов в рамках американского общества преимущественно 60-х годов XX-го века — доминирующей системы взглядов и оппозиционной. В данном контексте мы понимаем под символическим универсумом его наиболее агрессивный и систематизированный вариант — идеологию.

Определение Ю. Н. Давыдова и И. Б. Роднянской следует уточнить. Акция «Великого Отказа», протест молодежного движения, был направлен не только на образ жизни и мышления, пропагандируемый «буржуазным» обществом, но также и на его антипод, мировоззрение, разделяемое по другую сторону фронта холодной войны. Строго говоря, в рамках контркультуры различия между тоталитарной и либерально-демократической системами носили условный характер. И та, и другая фундированы одним и тем же принципом — рациональностью, поставленной на технологические рельсы и воспроизводящей себя с помощью идеологом типа «экономическая целесообразность», «стратегическая необходимость».

Политические идеалы, разделяемые частью контркультуры (другая ее часть тяготела к аполитичности), носят название «партиципаторной демократии» и предполагают горизонтальный порядок власти в обществе, реализующийся в самоуправлении. Как программа партиципаторной демократии, так и идеалы, разделяемые деполитизированной частью контркультуры, тяготеют к федерализму бакунинского толка. Речь идет о рыхлой социальной структуре, элементами которой явля-

ются небольшие образования коммунального типа. Идея «организации» чужда природе контркультуры, поскольку является одним из моментов того общественного устройства, против которого контркультура выступает. В связи с этим развернутой программы осуществления общественного идеала последней мы не имеем.

Как и любая идеология, контркультура исходит из пресуппозиции «свой — чужой». Отметим, что по обе стороны разделительной черты расположена американская мечта, устойчивая конструкция с миллениаристским подтекстом, которая предполагает строительство общества равных возможностей для всех его членов с соблюдением великой триады прав, сформулированных в Билле о правах. Другими словами, специфика американской ментальности на примере событий 60-х заключается в том, что в основе политической борьбы лежит конфликт интерпретаций американской мечты. Каждая сторона конфликта настаивает на аутентичности своей интерпретации и пытается профанировать оппонента. Так, согласно Ч. Рейчу, внесшему весомый вклад в концептуализацию контркультурного движения, молодежный активизм 60-х является реакцией на неблагополучие американского общества: «он должен быть понят в свете измены и утраты американской мечты, подъема Корпоративного Государства (Corporate State) 60-х» [7, 4]. И та, и другая идеологии призывают к американской мечте, используя одну и ту же фразеологию. Так, в фултонской речи, которую мы возьмем за образец стиля доминирующей идеологии, У. Черчилль обращается к аудитории с такими словами: «Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека, которые представляют собой совместное наследие англоязычного мира и которые в развитие Великой Хартии, Билля о правах, закона Хабеас Корпус, суда присяжных и английского общего права обрели свое

самое знаменитое выражение в Декларации Независимости» [5]. Ч. Рейч также апеллирует к священной традиции. Он пишет: «американскому народу 1789 года их нация обещала новый стиль жизни: каждый индивидуум — свободный человек, каждый имеет право искать собственное счастье, республиканская форма правления, в которой народ признается суверенным и никакого деспотизма в отношении него...» [7, 21]. Обращение к «золотому веку» является процедурой легитимации, осуществляемой носителями оппозиционных идеологий.

Эмоциональное воплощение категория чужого получает в образе врага. Технология выстраивания этого образа предполагает наличие реальной или квазиреальной угрозы, которая выполняет интегративную и мобилизационную функции по отношению к реальному или конструируемому сообществу. В случае с контркультурой угроза формулируется в терминах отчуждения. Отчужденный мир — это образ социальной действительности, которая структурирована посредством нечеловеческих и надчеловеческих сил. Что характерно, эти силы являются результатом гипостазирования моментов субъекта, сформированного в западно-европейском культурном контексте (в данном случае США составляют часть этого контекста). Так, «репрессивная цивилизация» представляет собой объективированную систему блокираторов, регулирующих поведение индивида (фрейдизм). «Техническая рациональность» — это выделившаяся структура западно-европейской, просвещенческой модели разума.

Эта схема была бы безжизненной и сугубо теоретической, если бы не был сделан следующий шаг, также предусмотренный технологией конструирования образа врага.

Отчужденные моменты субъекта демонизируются и наделяются тем, что О. Хаксли называл «негативной значимостью» [4], благодаря которой формируется мощное эмоциональное поле, заряжающее попадающих под его действие индивидов и формирующих массовое настроение. Этот эффект достигается посредством задания динамики отчужденному миру: он развивается, усложняется, совершенствуясь техники подчинения индивида. Так, в трудах Г. Маркузе, одного из идеологов движения новых левых, мы находим драматичный образ нарастания репрессивной мощи цивилизации и связанного с этим прогрессирующего отчуждения: «цивилизации приходится защищаться от призрака свободного мира... защита состоит в усилении способов контроля не столько над влечением, а

главным образом над сознанием, ибо, оставленное без внимания, оно может разглядеть во все более полном удовлетворении потребностей репрессию» [3, 86]. Сознание оказывается объектом манипуляции со стороны объективированных структур рациональности, сумма которых воплощается в образе репрессивной цивилизации: «логос раскрывается как логика господства» [3, 101]. Сравнительная легкость «низведения сознания до координирования индивида с целым» [3, 94] обеспечивается выпадением важнейшего звена в процессе становления личности в связи с падением значения роли семьи: «теперь, определяемое властью экономических, политических и культурных монополий, формирование зрелого «Сверх—Я», по-видимому, минует стадию индивидуализации... атом рода непосредственно превращается в социальный атом» [3, 88].

Угроза в форме отчужденного мира производит массивный эффект на носителя американской ментальности еще и потому, что наносит точный удар в самое сердце его идентичности — дискредитирует идею американской мечты. Это происходит следующим образом. Во-первых, разрушается исходная посылка, несущая конструкция мечты — концепция индивида, носителя прав и свобод. Автономный разумный индивид становится функциональным придатком в системе воспроизводства рациональности: «индивиду следует предпринять все, от него зависящее, чтобы стать функцией, в которой нуждается общество...» [7, 72]. Во-вторых, имеет место смена принципа организации индивидов в общество. Вместо демократии как сообщества носителей джефферсонской триады прав утверждается меритократия, предполагающая выделение и наделение особыми властными полномочиями группы лиц со специальными навыками: «когда все общество подчинено этому принципу (рационализации идей), оно создает многочисленную правящую элиту и большую группу работников, которые не играют значительной роли в принятии решений» [7, 99]. Угроза кристаллизуется в образе врага, назовем его в соответствии с терминологией Ч. Рейча, Корпоративным Государством (Corporate State). Корпоративное Государство является триумфом отчужденных структур рациональности. Последние имеют социальный коррелят, в роли которого выступает управленческая элита — «административный менеджмент». Так, Ч. Рейч пишет: «Корпоративное Государство» предполагает упрочение и усиление роли бюрократии в жизни общества: постепенно... /происхо-

дит/ замена «политического» государства «административным»... структура «административного» государства ...это структура любой бюрократии. Она означает «рационализацию» организации идей» [7, 99].

«Рационализация организации идей» имеет фактически безграничный властный потенциал, размещая под своей юрисдикцией все новые области общественной и частной жизни: «сексуальное поведение, воспитание детей, психическое здоровье, отдых, и так далее» [8, 7]. В конечном итоге «весь спектр человеческой деятельности — политическая, экономическая, культурная, — переходит за границы компетенции средних граждан и настоятельно требует внимания специально обученных экспертов» [8, 6—7]. Этот процесс свидетельствует о превращении объективированной рациональности, ориентированной на решение проблем самосохранения и воспроизводства американского общества, в тоталитарную структуру, пронизывающую все формы жизнедеятельности члена такого общества.

Обратим внимание на то, что частота встречаемости подобных метафор, продуцируемых контркультурным сознанием, очень высока. Идея отчужденной тоталитарной структуры, противостоящей индивиду и его свободам, входит в состав ядра идеологии исследуемого явления. С учетом исторического контекста, в рамках которого контркультура зародилась и сформировалась, можно сделать следующие выводы.

- Образ мог быть «навешан» ходом холодной войны. «Империя зла» диктовала моду на идиосинкразии. Контркультурой заимствуется сама логика, в соответствии с которой доминирующая идеология выстраивает образ врага. В фултонской речи У. Черчилль следующим образом описывает государства «оси зла»: «В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции» [5]. Сравним этот образ с образом Корпоративного Государства. Общими являются мотивы тоталитарной власти, реализуемой некой группой привилегированных лиц. Существо такой тоталитарной власти имеет бюрократический характер, как в случае с «административным менеджментом», так и в случае с партийными структурами.

- Если битничество можно трактовать в терминах оппозиции клаустрофобичной атмосфере США

эпохи маккартизма, то впоследствии контркультура «впитывает» сущность и характеристики национального врага, начиная дрейфовать в направлении адаптации к той идеологии, против которой выступала. Собственно, то, что контркультура «говорит» языком той эпохи, которой была рождена, нет ничего неожиданного. Важно здесь отметить то, в какой зависимости она оказывается от системы образов и стереотипов, работающих в оппозиционном ей мировоззрении. Эта зависимость нивелирует революционный потенциал контркультуры, переплавливая его в топливо для доминирующей идеологии. Заимствовав вышеупомянутые образы у враждебной идеологии, контркультура проигрывает ей важнейшее сражение. Эта ситуация позволяет рассматривать контркультуру как своеобразное звено в процессе социализации больших групп молодежи: «контркультура является приспособлением к требованиям господствующей культуры, и мы истолковываем поведение ее сторонников... как приспособление к ближайшим запросам их субкультуры и затем к господствующему обществу» [2, 71].

- Вместе с тем, «цитируя» характерные черты образа врага, укорененные в массовом сознании, контркультура довольно быстро вербует в свои ряды все большее количество сочувствующих.

Таким образом, мы видим, что конфликтующие идеологии находятся в довольно сложных и неоднозначных отношениях. Так, помимо общей логики «жизнедеятельности», которая выражается, в частности, в сходных приемах привлечения неопитов, они разделяют один и тот же «бэкграунд», что хорошо заметно в таких акциях, как обращение к идейному наследию «золотого века» (эпохи отцов-основателей). Их различие становится еще более условным, когда мы приступаем к анализу образов врага. Здесь также очевиден общий «внешнеполитический» источник.

При таком «структурно-функциональном» сходстве обеих идеологий закономерно возникает вопрос, как работает система различий в рамках идеологии вообще и контркультуры в частности.

Итак, если ядро идеологии — это «система различий», то можно предположить, что реальная работа осуществляется на уровне семантического пространства.

Задача конструирования нового мира предполагает прежде всего конструирование нового языка. Так, Т. Роззак отмечает, что новые левые приносят в политический дискурс чуждую ему прежде фразеологию. В своем манифесте они пишут

о «человеческих отношениях» и «любви»: «Наши собственные социальные ценности включают понятия человеческого существа, человеческих отношений и социальных систем... Мы рассматриваем людей как бесконечно ценных существ, обладающих нереализованными способностями, а именно: разумом, свободой, любовью... Мы протестуем против деперсонализации, которая сводит человека к статусу или вещи» [8, 51].

Преимущество контркультуры, движение за «альтернативный образ жизни», возникшее в 1970-х на волне тревожных настроений, спровоцированных докладами Римскому клубу, заимствовало многие ее идеи, а также продолжило построение новояза. Немецкий исследователь Х. Зебальд (Sebald) пишет о сдвиге в области семантики, позволившем придать ряду слов новый смысл и, что особенно важно, новую ценностную коннотацию. Так, термин «аналитический» означает «ограниченный», «эмпирический» — «поверхностный», «эзотерический» — «истинный», «душевноболезной» — «просветленный», «галлюцинация» — «мудрость», «гедонизм» — «самоосуществление», «иррациональный» — «восприимчивый», «медицина» — «надувательство», «норма» — «решительная мера, наступление», «мистический» — «верифицируемый», «окультурный» — «всеведущий», «фантастический» — «сверхприродный», «желаемое» — «реальное» [9, 228].

Ротация смыслов неявна, и иллюзия одного языка в рамках одного общества может быть достаточно устойчивой в течение долгого времени. В то же время конфронтация символических универсумов очень хорошо отслеживается именно в языке, а вернее, языках, обслуживающих доминирующую «идеологию» и субкультуры.

Замечания известного политолога Х. Арендт относительно тоталитарной идеологии любопытным образом накладываются на проблему контркультуры. Анализируя взаимоотношения тоталитарной идеологии и того, что исследовательница называла «опытом», она обратила внимание на своеобразную нечуткость первой к последнему [1, 49]. Контркультура тоже присваивает себе право понимать и объяснять социальную действительность с характерной для замкнутого на себе знаково-символического пространства нечуткости к противоречащим ее системе установкам фактам. Так, Тимоти Лири, развивавший идеи ЛСД-религии, словно не желает признавать то, что ЛСД может спровоцировать психоз с крайне негативными для психического здоровья «путешественника» последствиями [6, 57].

Идеология — это «активный текст», она «продавливает» реальность и таким образом «переодевает» ее. Это загадочный процесс надления интерпретации всеми функциями реальности, такими как внешняя принудительность, объективность. Идеология, как писалось выше, работает на уровне семантических сдвигов. В качестве иллюстрации приведем следующее наблюдение. Так, в рамках контркультуры клиническая картина побочных эффектов приема психотропных веществ приобретает социальное измерение. Появляется лозунг «Вьетнам — это грустный трип».

В нашей статье мы попытались представить контркультуру как идеологию. Идеология — это особого рода текст, символический универсум, суггестивность которого обеспечивается системой приемов, технологией. Одной из характерных техник, с помощью которых достигается эффект подмены реальностей, является выстраивание образа врага, что предполагает обращение к глубинным структурам социальной психологии (оппозиция «свой — чужой»). В случае контркультуры враг кристаллизуется в виде «отчужденной» реальности, продуцируемой официальной идеологией. Образ врага, мыслимый как угроза, обеспечивает консолидацию носителей контркультурного мировоззрения и также выполняет функцию пропаганды.

Мы рассмотрели, как формировался образ врага в рамках контркультурной идеологии и обнаружили определенную зависимость и соотношенность с оппозиционной (доминирующей) идеологией. В целях расширения горизонтов исследования мы обратились также к «языковым играм», характерным для контркультурного семантического пространства. На примере формирования контркультурного новояза мы продемонстрировали специфику активности идеологии. Она заключается в том, что привычные значения определенной группы слов заменяются новыми, что приводит к любопытному результату, а именно: язык в рамках сообщества, в котором наличествуют конфликтующие идеологии, не является однородным. Единое семантическое пространство является только видимостью. В реальности оно многомерно. Эта ситуация порождает множественность «миров добра и зла» и усложняет выстраивание диалога между носителями конфликтующих идеологий.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Арендт Х. Происхождение тоталитаризма / Арендт Х. // Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). — М.: «ИНИОН», 1993. — Ч. 2. — 223 с.

2. Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. Социология контркультуры: критический анализ (инфантилизм как тип мировосприятия и социальной болезни) / Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. — М.: Наука, 1980. — 264 с.

3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Маркузе Г. — М.: АСТ, 2002. — 527 с.

4. Хаксли О. Двери восприятия / Хаксли О. — М.: Азбука-классика, 2002. — 217 с.

5. Churchill W. The Sinews of Peace / A speech by Winston Churchill at Westminster College. (<http://britannia.com/history/docs/sinews1.html>).

6. Leary T. The Politics of ecstasy / Leary T. — Paladin-Grafton Books, London, 1971. — 299 p.

7. Reich Ch. The Greening of America / Reich Ch. — Random House, New York, 1970. — 401 p.

8. Roszack T. The Making of Counter-Culture. Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition / Roszack T. — Faber and Faber, London, 1971. — 303 p.

9. Sebald H. Die Romantik des «New Age»: der Studentische Angriff auf Wissenschaft, Objektivität und Realismus / Sebald H. // Der Wissenschaftler und das Irrationale. — F\A\M, 1985. — Bd. 3: Beiträge aus der Philosophie. — S. 215—237.